

Ставропольская
духовная семинария

НОВОИЗУЧЕННИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ О ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ

Ставрополь
2023

УДК 242
ББК 86.372 + 68.1(2Рос)
Н74

*По благословию
митрополита Ставропольского
и Невинномысского Кирилла*

Н74 Новомученики Церкви Русской о воинском служении / ред. протоиерей П. М. Самойленко, сост. священник Е. Н. Шишкин. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2023. 52 с.

ISBN 978-5-6048187-4-9

В данной брошюре собраны четыре проповеди и статьи святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, посвященных православным основам жертвенного служения русских воинов. Большая часть из них принадлежит священномученику протоиерею Иоанну Восторгову – последнему дореволюционному настоятелю Храма Василия Блаженного на Красной площади. Важным дополнением в его наставлениям служит статья недавно причисленного к Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской священника Григория Златорунского, убиенного за веру Христову в 1918 году. Данное издание будет полезно военным священникам, преподавателям учебных заведений, солдатам и офицерам Российской армии.

Содержание

Священномученик
Иоанн Восторгов

Слово воинам по поводу мобилизации.	7
Патриотическое служение русского духовенства	11
Воинское звание	17

Священномученик
Григорий Златорунский

Беседа с новобранцем о присяге	39
--	----

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИОАНН ВОСТОРГОВ

СЛОВО ВОИНАМ ПО ПОВОДУ МОБИЛИЗАЦИИ¹

Один учитель Церкви говорит: «Бог любит добродушный мир, но Бог же благословляет праведную войну. На земле всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миром без помощи военной. Для охранения мира необходимо, чтобы победитель не позволял заржаветь своему оружию». Оттого и говорится в слове Божиим: «Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои – брани» (Пс. 143, 1). Оттого Бог мира и любви называет себя и Господом воинств. Слово Божие свидетельствует, что Господь благословил оружие кроткого Авраама, который пошел на войну, чтобы освободить своего племянника Лота; Господь повелел Иисусу Навину идти с народом израильским на войну против врагов и чудесно даровал ему победу; Господь же повелел народу израильскому завоевать нечестивые языческие народы. Бог благословил оружие первого христианского царя св. Константина и утешил его видением Креста, как оружия победного. И наши предки, наши славные воины с верою и мужеством, с готовностью на смерть, на всякие лишения и страдания шли на войну, побеждали царства, защищали веру, полагали свою жизнь за Церковь Божию, за братьев, за отечество. Итак, воин – Божий слуга, исполнитель самой великой Христовой

¹ Листовка, написанная и изданная для распространения в народе в дни смуты 1905 г.

заповеди: нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13).

Господь в своем евангелии предсказал, что в последние времена будут войны и военные слухи, что тогда будет проповедано евангелие во всей вселенной, что войны будут очень тяжелы и много причинят скорби, но претерпевший до конца спасется (Мф. 24, 9–14).

Исполняется теперь Божественное пророчество: на Дальнем Востоке ведется война России против языческой Японии, война тяжелая и скорбная. Нужно покориться воле Божией и принять тяжесть войны; нужно не жалеть ни сил, ни средств, ни жизни, чтобы не посрамить Креста Господня; так рассуждали предки наши, когда шли умирать за веру и родину, и так заповедали поступать нам: Претерпевший до конца спасется.

Но в Божественном пророчестве о грядущих войнах Господь прибавил: «тогда многие лжепророки восстанут и прельстят многих» (Мф. 24, 11). Исполняется и это пророчество на наших глазах. Явились и у нас лжепророки, стали смущать солдат и запасных разными злыми и ложными речами. Появились они и в нашем крае, и подметными листками, в ожидании мобилизации и призыва воинов на войну, уже вперед смущают добрых людей. Они пишут такую «правду о войне», под которою подпишется разве только отец лжи – диавол.

Уверяют лжецы, что войну затеяли Царь и правительство: но весь мир знает, как миролюбив был наш Царь, как Россия не хотела войны и не готовилась к ней, а Япония первая и обманом начала войну.

Уверяют лжецы, что в русском войске перебиты все опытные офицеры, а назначены молодые и незнающие дела, что нет

докторов, что в войске голод: но все это низкая ложь; ни в одной войне не было столько заботливости о солдатах, как в настоящую войну.

Пугают лжецы солдат, что в Маньчжурии и жарко, и очень холодно, что война тяжелая, что там горы и пропасти, что у солдат нет казарм. Но разве этим можно запугать честного солдата? Разве бывает на войне безопасно? Разве на войну идут для веселья? Разве на войне строят казармы?

Пугают еще тем, что у солдат останутся дома на родине семьи и дети. Но разве не на всякой войне так бывает? И притом: теперь можно за семьи и детей не беспокоиться, потому что Царь и правительство, как об этом много раз объявлено, твердо решили обеспечить их в случай несчастья.

Учат ложные учителя солдат не повиноваться офицерам... А Бог и совесть? А присяга Богу и Царю? Только трус и низкий человек может учить честных воинов такими речами, и только трус и низкий человек послушает таких речей. Как пастырю молитва, как ученому ученье, как земледельцу работа, так солдату свойственно повиновение. Без повиновения солдат – изменник и враг отечества. Если каждый будет рассуждать о войне по-своему, и один будет повиноваться, а другой не будет, то это будет не войско, а собрание бродяг.

Учат лживые учителя: нужно требовать скорее мира. Но мир будет после нашей победы или вообще, во время благопотребное, а иначе это будет позор отечества и страшный вред для него: враги возьмут наши земли, отберут торговлю; тогда сократятся у нас работы; наступит бедность и безработица; отечество ослабеет, и тогда со всех сторон на него станут нападать враги. Требовать скорее мира без победы могут только враги наши, которым это

выгодно, и наши изменники и предатели-Иуды, которых подкупили враги; таковы вот эти злые учителя.

Воины! Крестьяне! Люди рабочие! Ко всем, кому Бог и Царь повелит идти на войну, обращаем слово наше: будьте честными слугами Царя и отечества; исполните свято ваш долг, а смутителей и лживых учителей предавайте власти; эти домашние враги хуже врагов внешних, хуже японцев; это – изменники и предатели, которые достойны только презрения и смерти.

На великое дело зовет вас Господь: одолеть врага-язычника, прославить Крест Господень и заслужить вечную славу и благодарность на родине и вечную память и милость в очах Божиих.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА²

Заветы святителя Алексия

В совершенно необычной обстановке и в особо знаменательном собрании совершаем мы ныне это молитвословие о Царе и Сыне Царевом. Среди людей, открыто, мужественно и самоотверженно, иногда с опасностью для чести и даже жизни своей, выставляющих, как знамя жизни и деятельности, преданность Церкви Христовой, родине и Царю, мы встречаем нынешний церковно-гражданский праздник. Как отрадно совершителю богослужения вознести молитву о Царе и царстве среди людей искренних, единомышленных, участвующих в богослужении не телом только, но и духом, не за страх, а за совесть, не по долгу, внешнему и принудительному, а по внутреннему влечению сердца! Но вместе с тем здесь-то и место указать отрадные утешения русским людям и глубоко назидательные уроки, которые на сердца боголюбивые и царелюбивые должны пасть, как роса на землю жаждущую.

Вы стоите за веру православную.

Но вот пред вами живой образ религиозной ревности и преданности истине православия в лице святителя Алексия,

² Речь в день тезоименитства Государя Наследника Цесаревича, сказана 5 октября 1906 года на молебствии в присутствии членом 3 Всероссийского съезда русских людей в г. Киеве.

митрополита Московского, память которого сегодня празднует св. Церковь; имя его носит и небесному покровительству его вверен нынешний наш Царственный Именинник. Сын боярина, из богатого дома, с заманчивым будущим в смысле житейских успехов, он оставляет с молодых лет мир и отдается всецело подвигам веры и служению Церкви. Перст Божий возвел его на митрополичий престол всея Руси. И в этом звании святитель не знал усталости в трудах. Дважды по делам Церкви он совершает тяжкое путешествие в Царьград, переписывает своей рукой и исправляет перевод богослужебных книг, устраивает митрополию, вводит порядок в церковном управлении, пишет послания, воздвигает храмы, созидает обители. Это он был другом великого игумена земли русской – преподобного Сергия; он упорядочил наше монашество. Это он своим влиянием на ханов татарских, поработителей России, в дни господства наших врагов добился того, что Церковь православная осталась и объявлена была ханами неприкосновенной, первенствующей и господствующей, свободной в своей жизни и в распоряжении своими имуществами. – Добился того, чего теперь хотели лишить ее свои, русские, домашние воры и насильники, якобы от имени русского народа.

И он же, святитель Алексей, завещал нам, русским людям, в трогательно-простых выражениях хранить единение и мир в общении церковном. «Други, – говорит он, – берегите молитву церковную. Как нельзя согреть дом одним дымом без огня, так нельзя остаться с одной молитвой домашней без церковной». «Что холоднее и бездушнее камня? Но если и камни ударять один о другой, то они согреются и из них посыплются искры. То же и в церковном общении». Вот нам урок единения, мира и любви взаимной, – урок, русским православным людям теперь столь

необходимый. Все, что нас разделит и разъединит, все, кто нас разделит, – все раздорническое не благословенно.

Вы стоите за Царя, вы благоговейно храните чувства и долг верноподданства.

И в этом нам образ – святитель Алексей. Дóрог Царь для русского народа, и потому, конечно, дóрог для него и первородный Сын Царев, живая надежда будущего, залог сохранения Царского рода, залог того, что по смерти царствующего Государя царство не омрачится кровавыми спорами и раздорами из-за престолонаследия. О, знает Россия эти тяжкие времена, эти раздоры из-за великого княжения, когда не было ясного закона наследования престола!

Святитель Алексей и благословил тот именно порядок наследования престола от отца к старшему сыну (а не старшему в роде), который с течением времени дал России прекращение междоусобиц после смерти каждого великого князя; его дорогую подпись мы видим на этом акте громадной государственной важности.

Князь Димитрий Иванович, будущий герой Донской, был ребенком. Но митрополит всея Руси Алексей хранил свято верность и ребенку – законному Государю; он заботливо его пестовал, охранял его от злых влияний, воспитал в нем будущего спасителя отечества. Новый порядок престолонаследования только что возник; князья удельные не хотели его признавать; при малолетнем великом князе они по-прежнему тянули врозь и грабили землю русскую. И сам митрополит, который принимал самое близкое участие в делах государственных, который при множестве князей был один, как митрополит всея Руси, мог бы воспользоваться положением и

сосредоточить власть в своих руках. Но святитель не только сам хранил верность ребенку-Государю, но и пасомых приводил к тому же; словом архипастырского поучения, грозой отлучения от Церкви он смирял мятежных князей и сберег власть законного Государя, положил семена единодержавия и самодержавия на Руси.

Вы стоите за русскую народность; вы отстаиваете Россию для русских; вы все – горячие патриоты.

Святой патриот перед вами – святитель Алексей. Для величия русского народа в годину его унижения под иггом татар он работал всю жизнь, участвуя и в делах государственных, и в делах церковных. Он не дожил до радости поражения врагов на поле Куликовом, но он ее видел духовными очами, он подготовил эту радость и, можно сказать, руками и устами преподобного Сергия он благословлял Димитрия Донского на брань. Ради русского народа три раза он ездил в Орду, отвратил гнев хана от русской земли, отвратил усиленную дань и разорение ее и страшную войну; ради спасения Руси от разгрома инородцев он способствовал укреплению власти великого князя; ради русского народа он нес все труды и невзгоды жизни. По его завету ныне вместе с ним убажжаемый другой святитель Всероссийский, митрополит Иона, писал русским людям пред решительной борьбой с татарами: «Кому случится умереть на той брани, те, подобно древним мученикам, примут от Христа венец за подвиг мучения».

В деятельности святителя Алексея трудно различить, где чисто церковная его работа, и где государственная. Но русский народ не осудил за это святителя; но Церковь русская не задумалась прославить его во святых. Так искони повелось на Руси: русские люди созидали царство Божие прежде всего, и это считали целью,

а на царство земное, на наряд государственный они смотрели, как на средство для достижения цели, и старались, чтобы средство это было достойно и прилично для цели, было сильно и действенно. Кто хотел бы на Руси разделить Церковь от государства, тот уподобился бы человеку, который пожелал разделить в живом теле мясо и жилы от костей.

Духовный образ святителя Алексея и с ним вместе ныне убажжаемых святителей Московских Петра и Ионы – это великое назидание в наши дни и прежде всего нам, пастырям Церкви. Совершенно верно то, что духовенству должно быть строжайше воспрещено всякое политиканство. Оно словом Божиим, присягой и долгом своего звания и ежедневной молитвой призвано приносит моления, прошения, благодарения за вся человеки, за Царя и за вся, иже во власть суть (1Тим.2, 1–3). Посему для служителей русской Церкви, волей Царя ныне призванных к участию в Государственной Думе и в Государственном Совете, путь жизни, правило слова пастырского и образ поведения в жизни чисто государственной – совершенно ясны: они призваны поддерживать православную веру, власть Государя и жизненные интересы родного русского народа. Это – политика духовенства; это – его религиозный и патриотический долг; это – завет первоиерархов русских и угодников: святителей Петра, Алексея, Ионы, Филиппа, преподобного Сергия; это – заветы великих патриотов-страдальцев: Иова, в век незабвенного Гермогена и Авраамия Палицына.

Память же лжепатриарха Игнатия проклята в народе... Посему все, что не религиозно, не народно, не патриотично, – все, что хотя бы косвенно склонно поддерживать такие течения жизни, которые действуют в подрыв и ослабление силы и чести православной Церкви, в умаление власти Царя, утверждающего эту власть

свою на религиозно-нравственном христианском начале, а не на языческом правовом, и в подрыв силы, значения и прав русского народа в его царстве, – все такое и все такие должны покинуть ряды служителей Церкви, уйти из ее священной дружины, не смущать боголюбивого и царелюбивого народа русского своим предательством, изменой долгу, лицемерием, или хотя бы даже только попустительством злу. Нет в мире более народного духовенства, как в России. Таким его сделала история.

Нужно ли еще слово о том, что высказанное есть урок, назидание и долг для всякого русского человека? Но думается, что слово само собой вам и слышимо, и понятно. Ваше присутствие здесь – тому доказательство.

Пусть же ныне укрепятся и освятятся в нас молитвой наши религиозно-патриотические убеждения, и пусть они, распространяясь все шире и шире, вглубь сознания русского народа принесут плод многих в жизни нашей родины! Тогда исполнится недавно сказанное слово и желание нашего государя: в час, когда Он, как смертный человек, по воле Божией отойдет смертным исходом в путь всея земли, Он передаст Своему Первородному Сыну-Наследнику царство мирное, упорядоченное, могучее.

Боже! Суд Твой Цареве даждь и правду Твой Сыну Цареву! Да возрастает Царственный Отрок от силы в силу, исполняясь премудрости, и да будет в любви у Бога и человеков! Аминь.

ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ³

Предметом моей речи к вам, мои юные слушатели, я избрал вопрос, для вас близкий и непосредственно интересный, – воинское звание. Оправдание его, значение, достоинство, – все это, обычно, не подлежит обсуждению, как государственная необходимость, как мировая и историческая аксиома. Но есть иная область, область религиозно-нравственных запросов и, так сказать, внутреннего философского смысла каждого явления; эта область не удовлетворяется ссылкой на простую принудительность и повелительно требует указаний высшего оправдания каждого явления, изначальных основ и конечного его смысла. И вот с этой-то, не скрою, трудной точки зрения мне и хочется сегодня побеседовать с вами на тему об оправдании воинского звания.

Если вы сегодня хоть сколько-нибудь внимательно слушали вечернее богослужение, то в евангельском рассказе о событии Сретения Господня ваш слух должен был уловить некоторые частности речи, напоминающие вам то, что называется языком военным. Симеон старец, пророчествуя о Богомладенце Иисусе, изображает Его под видом военного знамени, столь вам, конечно, знакомого: «Се лежит Сей на падение и на восстание многим во Израили, и в знамение пререкаемо»...

³ Речь, сказанная 1 февраля 1908 года юнкерам Московского Алексеевского военного училища после всенощного бдения в присутствии Августейшего Начальника военно-учебных заведений Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича.

(Лк. 2, 34). Знамя пререкаемое – знамя спорное, около которого идет во время сражения самая ожесточенная сеча; повергнуть это знамя, отнять, опозорить – это задача одной борющейся стороны; отстоять его, сохранить, высоко держать над рядами, являть им знак силы, объединения, управлять посредством него всей громадой воинства – это задача другой борющейся стороны. В истории мира Спаситель сравнивается с этим знаменем, и мы видели и видим, как до конца исполнилось и исполняется и будет исполняться во всей полноте это простое, но глубокое проречение Симеона. Ибо и доныне и до конца веков, при всем разнообразии и поводов, и приемов борьбы, при всем разнообразии человеческих и общечеловеческих интересов, запросов, стремлений, – во всех сферах жизни личной, семейной, общественной, государственной один смысл и только одно значение видно вдумчивому взгляду: борьба веры и неверия, добра и зла, света и тьмы, Бога и дьявола, Христа и Велиара.

И Тебе Самой душу пройдет оружие, – в подлиннике – меч; это – слова, сказанные Симеоном Богоматери, – и опять образ здесь взят из обстановки жизни воинской.

Если бы, далее, я захотел вас провести по всему Священному Писанию только Нового Завета, то вы с величайшим удивлением увидели бы, как часто речь священных писателей и Самого Спасителя обращается к тому, что называется языком военным. И это – речи самые сильные. Вот образцы их.

«Если бы от мира сего было царство Мое, говорит Спаситель, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18, 36).

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34), – слова Иисуса Христа.

Еще: «Какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами» (Лк. 14, 31).

Вот другое изречение Спасителя апостолам, которое как бы звучит воински: «Когда Я посылал вас без мешка, и без суммы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?» Они отвечали: «ни в чем». Тогда Он сказал им: «но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму, а у кого нет, продай одежду свою, и купи меч» (Лк. 22, 35–36).

В апостольских наставлениях мы еще чаще встречаем тот же воинский язык: «Облечемся в броню веры, в шлем надежды спасения» (1 Сол. 5, 8), «с оружием правды в правой и левой руке» (2 Кор. 6, 7), «облечемся в оружия света», (Рим. 13, 12). «Облекитесь во всеоружие Божие; станьте препоясав чресла ваши истиной, и, облекшись в броню праведности; а паче всего возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6, 11). «Преподаю тебе завещание, – пишет апостол ученику, которого он поставил епископом, – чтобы ты воинствовал, как добрый воин» (1 Тим. 1, 18); «переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа» (2 Тим. 2, 3). Себя самого апостол называет воином, а своих сотрудников – «соратниками», «сподвижниками» (Флм. 1, 2, Флп. 2, 25). Наконец, эти сравнения приводятся апостолом уж не как фигуральное изображение духовного воинствования, но и как основа реального права. Рассуждая о праве проповедника-апостола получать содержание от тех, кому он проповедал, апостол говорит: «какой воин служит когда-либо на своем иждивении?» (2 Кор. 9, 8). А увещевая Тимофея безраздельно

и всецело отдаться подвигу пастырства, тот же апостол дает ему такое сравнение: «никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (2 Тим. 2, 4).

Что-нибудь да значат эти постоянные сравнения, и, во всяком случае, из них никак невозможно заключить о том, чтоб апостолы и первые христиане могли относиться как-нибудь пренебрежительно к воинскому званию. Скорее можно, и мы вправе сделать совсем обратный вывод, тем более что общим правилом у апостолов по отношению к новообращенным христианам было одно: «каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 Кор. 7, 20); из воинского звания исключения не делалось. Сама Церковь называется воинствующей. И все-таки все приведенные образы можно понять только как образы, понятные для того далекого и воинственного времени и потому так часто употребляемые.

Нам необходимо перейти к непосредственным свидетельствам и указаниям, прямо относящимся к предмету нашей речи, – к указаниям на живых носителей настоящего воинского звания. Святое евангелие рассказывает нам, что на предрассветной заре христианства явился великий пророк-проповедник, приготавливавший людей к принятию Спасителя. Как только вышел он из своего пустынного уединения и стал на великом и людном пути Иорданском, тотчас же огненное слово его потрясло сердца слушателей, и «приходили к нему Иерусалим, и вся Иудея, и вся окрестность Иорданская» (Мф. 3, 5). Приходили люди всех возрастов, званий и состояний, повинясь врожденному и неистребимому в человеке влечению к нравственному и совершенному. Приходили и вопрошали пророка о пути жизни, богоугождения и спасения. В числе других приходили к нему и подобные вам воины и также спрашивали

Иоанна Крестителя: «а нам что делать?» Простые, жизненные и удобопонятные ответы давал пророк всем, искавшим у него наставления; такой же ответ дал он и воинам, применяясь к их тогдашнему быту и господствовавшему в то время среди них порокам и недостаткам: «никого не обижайте, не клеветайте, а довольствуйтесь оброками вашими». Это означало: не употребляйте во зло вашей силы и службы для узкой корысти, исполняйте ваш долг и призвание, а призвание ваше – защищать других от обид, а не быть обидчиками, способствовать порядку и устройству, а не расстройству жизни.

Окончил свое земное поприще великий пророк, и вот вышел на дело учительства и спасения людей Сам Господь Спаситель, им проповеданный и предуказанный. Во днях Его плоти, в трудах Его земного служения, в числе первых последователей около Него стали прежде всего ближайшие ученики Иоанна Крестителя, как наиболее подготовленные к слушанию и проповеданию нового завета и царства Божия на земле. И никогда они не слышали от Мессии и Агнца Божия, указанного Иоанном Крестителем, отмены тех наставлений, которые Предтеча преподавал своим ученикам и слушателям.

Божественный Учитель всегда был окружен ищущими глаголов живота вечного; были среди них, несомненно, и воины, и о некоторых таких, ищущих правды вечной воинах, в назидание нам, сохранились указания в евангелиях. Так, римский офицер, сотник в Капернауме, проявил такие нравственные силы, такую веру, любовь и смирение, что пред всем народом удостоился высокой и редкой похвалы из уст Спасителя. Причем, здесь же Господь благоволил указать на него, как на образ бесчисленных избранников из всех народов, которые придут и возлягут на

пиршестве веры в новом и вечном царстве Христовом. Знаем из евангелия и о другом сотнике, по имени Лонгин, который стоял на страже у креста Иисусова и в час Его смерти исповедал веру свою в Спасителя мира. Наконец, в истории первых дней Церкви на земле мы опять встречаем воина – сотника Корнилия в городе Кесарии Палестинской. Он просил апостола Петра прийти к нему, чтоб услышать от него слово спасения. Пришел Петр, и Корнилий говорит: «ныне мы пред Богом предстоим слышать все повеленное тебе от Бога» (Деян. 10, 33). Апостол далее излагает пред собравшимися слушателями всю сущность христианского благовестия. Заметьте: ни слова здесь не говорит апостол Корнилию о несовместимости его военного звания с христианским исповеданием; между тем, если бы это было так, то он, конечно, в своей речи обо всем потребном вообще, и в частности по отношению к Корнилию, для вступления в Церковь, непременно упомянул бы об этом. Иначе быть не могло. Как некогда Иисус Христос покаявшейся блуднице, и он должен бы сказать сотнику словами Спасителя: «прощаются тебе прежние грехи, а теперь иди в впредь не грехи, оставь твое греховное и недозволенное воинское служение». Ничего подобного ему не было сказано, а вера его в благоволение к нему Божие засвидетельствованы тем, что еще во время речи апостола, до крещения Корнилия, на него уже сошел Дух Святой, по замечанию деесписателя (Деян. 10, 44).

Прошли с тех пор века христианской истории, и на протяжении всех этих веков христианства воинство водружало кресты на своих знаменах, сражалось и умирало за веру и из своих рядов дало и исповедников, и мучеников за Христа. И Церковь, благословляя воинство, молилась о нем и в лики

святых внесла многих-многих, которые были добрыми воинами и слугами царей земных и в то же время добрыми воинами и слугами Царя Небесного. Здесь мы должны оговориться, чтоб избежать упрека в намеренном замалчивании фактов и чтобы выяснить вопрос всесторонне. Несомненно, в литературе древности христианской, – но, во-первых, в писаниях большей частью подложных, а во-вторых, у писателей, не признаваемых вполне точными выразителями истинно-церковного учения, как у Тертуллиана и Оригена, – мы находим недружелюбные отзывы и даже враждебные отношения к воинскому званию, встречаем и прямо высказываемое решительное мнение, что христианину не следует поступать в военную службу. Однако, беспристрастно и обстоятельно разбираясь во всем этом, мы видим везде в этих случаях не принципиальное отрицание воинства, а практические указания на то, как трудно было в то время христианину-воину оставаться верным своему долгу христианскому. Совершенно такой же смысл и аналогичный пример мы можем указать в известных словах апостола Павла о браке, когда он советует христианину лучше не жениться. Для служителей евангельской проповеди в то время, действительно, семья и брачная жизнь, с ее неизбежными мирскими заботами, являлась тяжким препятствием в деле проповедничества. Но это далеко не значило и не значит, что брак сам в себе, в существе своем, есть скверна. Вступление в ряды воинов требовало языческой жертвы и языческой клятвы; воинам часто приходилось приносить жертвы богам, а офицерам – служить императорской статуе как Богу, а также участвовать в суде над христианами и присуждать их к смерти; нередко приходилось отводить христиан на мучения за исповедание веры. Самые

войны римского государства были большей частью войнами разбойничьими и хищническими, без внутренней возвышающей идеи. Если, далее, принять во внимание, что поступление в войска в Риме было добровольным, а не по общему призыву граждан, как в наше время, то, естественно, древние учителя не могли христианам рекомендовать поступление в военную службу.

И, тем не менее, воины-христиане были и при них. Мы видим, что самые пристрастные в смысле отрицания воинского звания исследователи некоторых ученых на древних римских кладбищах первых трех веков христианской эры, по оставшимся надписям на гробницах, показывают нам, что число погребенных воинов-христиан по отношению к числу воинов-язычников было совершенно таким же в пропорциональном отношении, как и отношение числа вообще христиан ко всему населению империи. Это – знак, что христиане не уклонялись от военной службы, хотя имели к тому полную возможность. Тот же Тертуллиан свидетельствует, что в его время христиане уже заполняли весь римский мир – города, селения, лагеря... «Мы, – пишет он, – не бегаем людей, не обитаем в лесах. Мы с вами плаваем по рекам и морям, носим оружие, обрабатываем землю, ведем торговлю»... А Климент Александрийский, учитель помянутого Оригена, поучает христианина-воина: «В качестве воина тебя следует приобретать военные познания. Слушайся полководца: он правилом объявляет справедливость». Затем он повторяет воинам урок – приведенные нами выше слова Иоанна Крестителя. Следовательно, Ориген выражает лишь свои личные воззрения, когда относится отрицательно к воинскому званию.

Можно было бы, на основании сохранившихся памятников древней христианской письменности, в особенности же по так называемым актам мученическим, в которых мы находим протокольные записи судебных показаний мучимых и присуждаемых к смерти христиан, по древним житиям святых и по другим источникам, доказать неопровержимо, как много христиан было в войсках в первые века христианства. Но я утомил бы только ваше внимание этими подробностями. Я укажу на одно происшествие при императоре Марке Аврелии. Была война с германцами и сарматами; в ней принимал участие так называемый Мелитинский легион; солдаты этого легиона были из Мелитинской области Малой Азии, тогда имевшей очень значительное христианское население. Естественно, что и среди легионеров-солдат были христиане. Во время сражения случилось вот что, – передаем буквально рассказ древнего историка Евсевия: «Марк Аврелий, готовясь вступить в сражение, тогда как его войско истаявало от жажды, находился в крайнем затруднении. Но воины легиона, которые за веру существуют и доныне, стоя пред неприятелем в строю, вдруг преклонили колена на землю, что обыкновенно делаем мы во время молитвы, и обратились к Богу с молитвой. Сколь ни дивным показалось неприятелю такое зрелище, но за ним тотчас последовало еще более удивительное. Это – молния, обратившая в бегство и истребившая врагов, и дождь, испрошенный силой молитвы к Богу и ожививший войско, которое погибало от жажды». Это говорит историк Евсевий (IV в.), то же, – и это особенно замечательно, – подтверждает раньше его помянутый Тертуллиан (III в.), который ссылается при этом на собственноручное письмо императора М. Аврелия, который, как известно, был и философом-писателем,

наконец, об этом свидетельствует третий писатель Аполлинарий, который, описывая это происшествие с легионом, замечает, что ему дано было и особое название по сему поводу: «легион молниеносный» – *legio fulminatrix*. Все приведенные сведения мы берем из истории первых трех веков христианства. Заметим при этом, что в начале IV века, еще до объявления христианства религией, дозволенной в Римской империи, при императоре-язычнике Ликинии в войсках было даже гонение на христиан и стремление сократить их число: так оно было велико. Со времен же Константина Великого, т.е. с начала IV века, когда христиан в войсках уже не принуждали к идольским клятвам и жертвам, христиане охотно шли в военную службу, и мы не слышим ни одного возгласа или замечания у христианских учителей и писателей о несовместимости военного служения со званием христианина. И иначе быть не могло. Христианство имеет целью изменить внутреннего человека. Это верно. Все внешнее само по себе цены не имеет: государство, власть, богатство и проч. – это не цель, а только средство к высшей цели, к внутреннему усовершенствованию.

Поэтому христианство прямо и непосредственно не решает вопросов государственных, не отвечает прямо на вопросы политики, права, экономики. Но это отрешение христианского учения от мирских дел нельзя понимать, как их осуждение и отрицание, или как запрещение оценивать и определять христианину свои отношения к явлениям и событиям внешней государственной жизни по началам христианского учения. Ибо, по слову апостола: «благочестие на все полезно, имея обетования жизни настоящей и будущей» (1 Тим. 4, 8). Царство Божие утверждается и на земле, и не только в делах и поступках

отдельных лиц, но и в обнаружениях жизни общественной и государственной. Поэтому христианство явлений и форм внешней жизни не отрицает и отрицать не может. Оно не отрицает и самого государства, опирающегося в своем основании на внешнюю принудительную силу, как для охранения мира совне, так и для сохранения порядка внутри: в этом нравственная задача государства и помощь христианству, – «да тихое и безмятежное житие проживем во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2, 2). Христианство не может, поэтому, отрицать и войны, которая входит в сферу внешних отношений человека и есть одна из основных форм ее внешней жизни⁴.

Но вот уже в наше время пронеслось над умами и сердцами иное веяние, которое объявило воинство, любовь к отечеству и защиту родины позором, разбоем и преступлением. Мы не стали бы о нем и говорить, но оно прикрывается именем христианства, а один из его провозвестников, автор новой веры и нового евангелия, объявивший себя самозвано учителем мира, можно сказать, забросал нас текстами из евангелия и Священного Писания в доказательство своего учения. Прельстившись этим видом благочестия, забыв, что и дьявол, искушая Спасителя, тоже ссылался на Священное Писание, и, однако, был далек от истины, забыв, что можно быть великим художником слова, но плохим мыслителем и религиозным учителем, он уверенно и властно давал всем приходящим и вопрошающим ответы о пути и смысле жизни, которую он, по собственному признанию, сам провел безумно и беспутно, и о воле Бога, в Которого, как в личное

⁴ «Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви).

и волящее существо, он сам не верит... Приходили к нему в числе других и воины, и готовящиеся быть воинами, вопрошая его: что нам делать? И вот раздался ответ, который скоро обратился в озлобленную и страстную проповедь по всему миру. Проповедь эта гласила: «Не нужно самого воинства, воинство есть позор и преступление; воин есть разбойник, а защита родины есть разбой». Когда у нас теперь доискиваются причин наших неудач в последнюю войну, когда удивляются слабому проявлению патриотизма в русском обществе во время войны, то редко упоминают о том, что 20 лет пред сим все образованное наше общество буквально питалось навеянными сочинениями Толстого отрицательно-озлобленным отношением к армии, к войне, к патриотизму и к родине. «Люби всех, но ненавидь свой родной народ», – вот во что выродилась толстовщина на страницах газет...

Невольно мне здесь вспоминается один тяжелый рассказ, который мне пришлось слышать на Дальнем Востоке в 1905 году, непосредственно после окончания русско-японской войны. Передавал его мне офицер, возвращавшийся с о. Сахалин. Мы вместе ехали в поезде от Хабаровска; разговорились о том, как русские войска на Сахалине сдались японцам. «Был, – рассказывал мне мой собеседник, – у меня товарищ по полку, он же мне и товарищ по гимназии. Помню, в гимназии все преподаватели и старшие ученики увлекались Толстым, смеялись над патриотизмом, отрицали долг пред родиной, отвергали присягу, суд, наказания, войну. В классе, бывало, учитель словесности особенно издевался над националистами русскими, и слово «патриот своего отечества» было у него любимой остротой. Мой товарищ все это глубоко воспринял и усвоил. Не

повезло ему в учении, и он, решительно не понимая почему, поступил в военную службу, стал офицером. Встретились мы с ним уже на войне. Когда наши войска сдавались японцам, тут-то и отрыгнулась в нем старая закваска. Он приказал солдатам сложить ружья в козлы, положить тут же около все патроны. Подошел японский офицер; он, оказалось, владел немецким языком, на котором говорит и мой товарищ-офицер. И вот слышу его речь к японцу: «Возьмите эти ружья, пересчитайте патроны; вы уверитесь, мы не выпустили ни одного... Я отвергаю войну; все люди – братья... Отечество – глупое слово, и Япония – для меня то же отечество. Вы, надеюсь, поймете меня... Позвольте вас обнять, как брата»... Желтое лицо японца сделалось темно-бронзовым от прильнувшей крови... Момент... и в ответ на объятия он наносит офицеру удар в лицо и говорит: «Такую с... нельзя и в плен брать! Вас надо вешать»... Тяжелое впечатление произвел на меня этот рассказ.

Не знаем, может быть, вы, воины, занятые своим делом, своим долгом, не замечаете и не слышите озлобленного отрицания, направленного против вас и самого вашего существования, но мы видим и слышим его и теперь в окружающей жизни и в отразительнице жизненных явлений – в литературе. Впрочем, не могло оно пройти мимо вас незаметным, и мы знаем воинов, которые перенесли много нравственных пыток, много мучительных сомнений и колебаний, разрешая роковой для них вопрос: быть или не быть им в рядах защитников родины? Мы знаем многих ваших родных и близких, которые страдали за вас, разрешая все тот же вопрос, в который внесено столько тьмы и смуты новым лжеименным учителем жизни.

Не смущайтесь, возлюбленные! Воинство не шайка разбойников, защита родины – не разбой, смерть за веру и отечество – не позор, как бы красно, как бы искусно ни силились опровергнуть эту истину те, коим она невыгодна и опасна. Если справедливо присловье: «скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты», то не менее справедлива и обратная, мысль: «укажи мне твоих врагов, и я тебе скажу, кто ты».

Посмотрите же, откуда идет это отрицательное, озлобленное веяние? Откуда идет эта страстная проповедь против воинства, это стремление подорвать в основе любовь к отечеству и сделать невозможной защиту родины? Идет это из лагеря врагов всякого порядка, из кружков анархистов, которые, позволяя для себя и террор, и насилие, и ложь, и убийства, у государства силятся отнять всякое право даже самозащиты. Уже и Л. Толстой, осудивший их крайности, ныне в глазах их пал и объявлен у них сумасшедшим. Тем более злобы возбуждают исторические, крепкие организации, как опора порядка и государственности. Среди этих организаций Церковь в духовной области и воинство в области внешнего устройства жизни являются главными и основными. И это вполне естественно. Не только всемирная, но и предмирная история в горнем царстве духов открывается борьбой добра и зла, ангелов света и ангелов тьмы. Борьба эта переходит и в мир разумно-нравственной твари на земле, и с тех пор борьба добра и зла красной нитью проходит в истории человечества и составляет одушевляющее и движущее ее начало. Никто не может уклониться от нее. Каждый должен определить, на какой стороне он стоит в этой мировой борьбе и под каким знаменем сражается. Для борьбы с мировым злом приходил на землю Сам Сын Божий, да разрушит дела дьявола,

и в первые же дни Своей земной жизни Он был, как вы сегодня слышали, пророчески объявлен знаменем, около которого до скончания веков будет происходить ожесточенная борьба верных и неверных. Ведет такую внутреннюю борьбу со злом каждый отдельный человек. В сокровенной и невидимой области духа эту борьбу добра и зла ведет и все собрание отдельных воинов – Христова избранница и продолжательница Его дела на земле святая Божия Церковь. По древнему выражению, она есть лагерь Бога – *castra Dei*; и теперь ее имя: воинствующая на земле Церковь, в противоположность небесной, торжествующей. Ведет она борьбу, и из окружающего мрака зла видит в светлом грядущем победу; бодрость, силу и веру дают ей отрадные и вечные слова обетования ее главы – Христа: «Созидду Церковь Мою и врата адовы не одолеют ей» (Мф. 16, 18).

А в области внешнего и видимого обнаружения зла ведет с ним борьбу государство, к этому именно и призванное, ведет борьбу христоролюбивое, христоименитое воинство. Кратко, но ясно и сильно об этом учат апостолы, вопреки всяким попыткам обосновать анархию на силе Священного Писания. Государство – это Божий слуга, отмститель во гнев злое творящему, оно призвано увенчивать добро, наказывать и сдерживать зло: оно не без ума меч носит (Рим. 13 гл.). Естественно, если оно хочет быть победоносным, если оно желает осмыслить высшим смыслом свое существование, оно должно быть в единении с той несокрушимой духовной силой, которой обетована навеки победа и неодолимость силами зла и ниже вратами ада.

Неудивительно поэтому, что Иоанн Креститель, дав обычные наставления воинам, заповедал им избегать пороков,

распространенных в их среде, но не отрицал самого звания воинского и не приказывал им оставить его. Неудивительно, что и Спаситель, похвалив нравственные достоинства капернаумского сотника, не повелел ему сложить воинские доспехи, не повелел ему даже, как другим, оставить дела житейские и следовать за Собой, но оставил его у долга его служения. Неудивительно, далее, что первые христиане охотно и во множестве служили в рядах войск и если оставляли воинское звание, то в том только случае, если их заставляли кланяться кумирам и признавать за божество цезаря. Неудивительно, что при императорах-язычниках состояли целые легионы из воинов-христиан и среди них знаменитый *legio fulminatrix* при Марке Аврелии. Не удивительно, что из воинов же вышло много мучеников за Христа, много великих благодетелей человечества, много святых, которых доныне чтит святая Церковь. Один из недавно умерших русских писателей, мыслитель-христианин (Вл. Соловьев в сочинении «Под пальмами») делает даже такое замечание: «Посмотрите, – говорит он, – в числе наших русских святых все больше или монахи, или воины». И, действительно, цари, князья-воители, умиравшие за веру, сражавшиеся за веру и отечество, и Константин Великий, и Владимир Святой, Борис, Глеб, Игорь, Довмонт, Андрей Боголюбский, Михаил Черниговский, Михаил Тверской, Александр Невский и другие, – все эти воины почитаются в Церкви, как святые, наравне с величайшими преподобными подвижниками. Неудивительно, наконец, что и доныне Церковь благословляет христолюбивое воинство. Великая, величайшая, несокрушимая сила в этом единении Церкви и воинства: когда Церковь воодушевляет и подкрепляет воина в исполнении долга его звания, в его готовности умереть и пострадать за избранную

идею, и когда он эту идею берет у Церкви и в своей жизни и деятельности исполняет задачи Церкви на земле. Это – тело, соединенное с духом, живое, действенное и мощное; это – мощь, способная победить все препятствия, страшная для царства зла. Мысль эту вполне разделяют оба лагеря: и защитники, и отрицатели воинства. Помнится речь одного из героев русско-турецкой войны, выдающегося русского полководца (генерала Драгомирова), на обеде в день церковного торжества, при открытии мощей святителя Феодосия. Оратор заявил, что он – не чужой на этом духовном торжестве, и что в лице присутствовавших высших церковных иерархов он видит собратий в великой борьбе со злом, только в другой, более важной, духовной области. А в современной Франции новая жидовствующая ересь, породившая и питающая анархическую клику, злобно кричит, что сабля и ряса подали друг другу руку и вступили между собой в союз. Что же: при единстве врага естественно людям сходиться. Знают это темные силы зла и поэтому со всей злобой и страстностью восстают против союза христианства и государства, Церкви и воинства и объявляют его противоестественным.

Противоестественный союз христианства и государства! Но кто же ратует здесь за христианство? Или питомцы и единомышленники распявших Христа, или люди, которым по безрелигиозному направлению так же пристало распинаться за христианство, как Иуде пристало бы отстаивать верность и бескорыстие. Противоестественный союз Церкви и христолюбивого воинства! Но не противоестественно ли было бы обратное явление? Возьмем самый простой и наглядный пример. Вот пред нами разбойник, грабитель и многократный убийца, приведенный и представленный на суд, и вот пред

нами георгиевский кавалер, проливавшей кровь на поле брани, со следами ран, увечий и пережитых страданий. Неужели в нравственном отношении их можно поставить на одну доску? Отчего против этого сопоставления возмущается здоровое нравственное чувство? Отчего оно никак не укладывается ни в голову, ни в сердце? Дело очень простое. Оттого, что один шел убить, а другой шел умереть; один идет во имя свое, во имя личной пользы, узкой корысти и себялюбия, а другому, напротив, личное-то себялюбие подсказывало убежать с поля брани, но он шел во имя Бога, за Церковь, за родину, за других, за ближних прежде всего, а не за себя. В воинском служении христианство всегда мыслило элементы подвига и мученичества, а не мучительства: «ты злопостражди, яко добрый воин Иисуса Христа», – пишет ап. Павел ученику своему Тимофею (2 Тим.2, 3). Просто и убедительно выяснил это различие один из святых первоучителей славянских – равноапостольный Кирилл, в мире Константин-философ. Когда в споре с неверными последние указывали ему на видимое противоречие христианства, заповедующего любить ближних и в то же время допускающего войну, св. Кирилл спросил их: «какую, по вашему мнению, заповедь нужно прежде всего исполнить, большую или меньшую?» Ему ответили: «большую». Тогда святой сказал: «правда, Христос заповедал любовь в ближним, но Он дал и другую заповедь, которую Сам же и назвал наибольшей: больше сея любви никтоже иметь, да кто душу свою (жизнь свою) положит за други своя» (Ин. 15, 13).

Бывали ли вы на кладбище воинском? Нет части света, где бы не умирали наши русские воины. Я видел их могилы в далекой Персии, в Урмии и Хое, я бывал в Карсе, где мы стоим воистину «на кровях», как выражались наши предки. Там полегли костями

тысячи и десятки тысяч безвестных героев-мучеников, страдальцев за веру и отчизну, там они обагрили кровью эту чужбину, эти скалы и камни, эту негостеприимную землю. Они шли, готовые на смерть, неведомые безвестные герои, совершая подвиг в тайне своего духа только пред лицом Бога. Шли умирать и знали, что там за ними стоит благословляющая их родная Церковь... стоит и родимая Россия, которая привела их на край своего царства, исполняя богоуказанную мировую свою и христианскую задачу на Востоке. Разве их не тянуло домой? Разве не тянуло их к свету, теплу и покою, в мирные и дорогие семьи? Разве в последние предсмертные минуты не представлялись им близкие и родные образы?

О, не забыть мне до гробовой доски тех чувств и впечатлений, которые я испытал на другом таком же братском кладбище, в нашем многострадальном Севастополе. Вот на историческом холме раскинулась и разрослась зеленая роща – жизнь на месте смерти. Какая священная тишина, какой царит мир! Идешь в этом безмолвии среди бесчисленных могил и в онемении чувств читаешь знаменательные и поражающие надписи: «Такой-то и там-то убит, смертельно ранен, разорван на части»... «Братская могила в 100, 200, 300 человек»... «Братская могила в 500, 700 человек»... Да, кто хочет учиться уважению к воинству, кто хочет понять и оценить его труд, подвиги и заслуги, тот должен идти на братское воинское кладбище! Знаем, придет время, и стены вашего храма и этого зала украсятся надписями и свидетельствами о том, что вылетевшие из этого гнезда орлы сумели умирать за родину, за ее честь, за ее покой. Не останутся без продолжения строки на черных мраморных досках, что мы видим в вашем храме, где перечисляются

имена тех героев-мучеников, которые вышли из этого училища и положили жизнь на поле бранной чести, защищая Церковь, Царя и родину. Знаем это и говорим, но говорим не с мятущимся сердцем. Жизнь – не вечный праздник веселья, жизнь есть труд и подвиг искупляющего страдания, жертва и служение духу и высокой идее любви и самоотвержения. Она выражена словами Иисуса Христа, которые по преимуществу являются родными и путеводными для воинства: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя».

Да будет эта идея вашей, друзья, путеводной звездой, чтобы с ней и при свете ее вы прошли через жизнь без страха и сомнений! Аминь.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ГРИГОРИЙ ЗАТОРУНСКИЙ

БЕСЕДА С НОВОБРАНЦЕМ О ПРИСЯГЕ

– А вот и наш батюшка! Спросим у него; он нам объяснит.

Оглядываюсь и вижу своего прихожанина – молодого паренька призывного возраста Григория Голубова. С ним еще два, незнакомых мне, молодца.

– Ну, что, Григорий, как дела?

– Иду служить: жребий взял малый, льготы нет, в плечах и ростом вышел. Да я не горюю! Отцу помогут братья, сам я холост. Послужу... добрых людей и свет Божий погляжу.

– Господь тебе да поможет послужить Царю и родине верой и правдой! Слушайся начальства. Домой вернись с нашивками и медалью на груди.

– Благодарю вас, батюшка!.. Завтра нас поведут к присяге, а затем разошлют по местам службы.

Только вот, батюшка, один новобранец говорит, что присягу принимать грешно: Сам Спаситель запретил клясться. Как же теперь быть? Идем на святое дело – служить Царю и родине, а начинаем это дело грехом?.. Увидя вас здесь, я обрадовался и предложил своим будущим товарищам попросить разъяснения у вас. Неужели же первый шаг нашей службы должен начаться грехом?

– А где же тот самозванный проповедник, который своими речами и неправильным толкованием Священного Писания смутил ваши души?

– Не знаю: он не с нами стоит на квартире. Сегодня я еще не видел его.

– Жаль. Но вот что, Григорий: ты сам знаешь, что разломать вещь легко, а исправить ее труднее, и времени требуется больше. Смутить ваши души самозванный проповедник успел, но успокоить вашу совесть двумя-тремя словами нельзя. Сейчас я тороплюсь в церковную сторожку на съезд духовенства нашего благочиния, где и задержусь до двух часов. Дай же мне слово, Григорий, что ты со своими товарищами придешь сюда к трем часам ко мне на квартиру. Здесь на свободе я, твой духовный отец, дам тебе пастырское наставление, последнее перед твоим отправлением на службу, и объясню значение и святость присяги. Остановился я здесь в пятом номере.

– Придем, батюшка. Сегодня мы свободны.

Новобранцы ушли, а я, направляясь к месту сбора духовенства, невольно задумался. Враги Православной Церкви – сектанты, – враждуя против православия, разрушают и государственный строй России. Ложное толкование учения о клятве и непротивлении злу, проникая в ряды армии, подрывает среди воинов дисциплину и, наводя на мысль о бесполезности военной службы, лишает их того воинского духа и беззаветной храбрости, коими обладало наше христоролюбивое воинство, не щадившее живота своего За Веру, Царя и Отечество, и не страшившееся положить душу свою за други своя [см.: Ин. 15, 13].

Ядовитые семена посеяны толстовским учением. Плод их сказался в японскую войну... Нам, пастырям, поставленным на страже Христовой Церкви должно всеми силами бороться с ложными учениями сектантов. Запрещая, увещевая и обличая благовременно и безвременно [см.: 2 Тим. 4, 2].

К двум часам дня дела съезда были закончены, и я возвратился на квартиру. Через час пришел и новобранец Голубов, но уже с тремя товарищами.

– Я, батюшка, привел к вам и того новобранца, который говорит, что присягать грешно.

– И хорошо ты сделал: выслушав возражения и доказательства с обеих сторон, вы лучше поймете правильное учение Православной Церкви о присяге. Садитесь!

Новобранцы разместились у стола, а я приготовил карманную Библию.

– Скажи мне, – обратился я к новобранцу, – как твое имя и какой ты веры?

– Веры я православной, при крещении назван Павлом.

– Хорошее у тебя имя: апостол Павел много потрудился в деле евангельского благовествования и обличения заблуждающихся в истине. Он заповедал нам подражать ему в богоугодной жизни, как и он подражал Христу.

Как же ты, будучи православным, придерживаешься взгляда толстовцев – еретиков и врагов Церкви Христовой?

– Мне приходилось жить среди сектантов и слышать учение их. Во многом я не сочувствую их учению, но взгляд на греховность присяги нахожу правильным, так как Сам Спаситель сказал Своим ученикам:

«Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым, или черным.

Но да будет слово ваше: да да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 33–37).

Следовательно, кто клянется именем Божиим, тот действует по наущению диавола.

– Да, Павел; ты ссылаешься на то же место в Писании, что и сектанты. В послании ап[остола] Иакова также есть любимое сектантами место:

«Прежде же всего братия мои не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас “да, да” и “нет, нет”, дабы вам не подпасть осуждению» (Иак. 5, 12).

– Ну вот, видите? И ап[остол] Иаков то же говорит. Следовательно, присягать грешно.

– Не торопись, Павел, делать заключение, не выслушав моих доводов. Я указал тебе другое место, на которое ссылаются сектанты в своих беседах о клятве, а ты обрадовался, что еще нашлось доказательство в оправдание твоего взгляда на греховность присяги. Но не радуйся: я укажу тебе в Писании много мест, из коих видно, что клятва именем Божиим не от диавола, как ты говоришь, а от Самого Господа Бога. Да, укажу...

Но прежде всего скажи мне, Павел, что такое присяга?

– Присяга – это клятва именем Божиим, а клясться грешно.

– Слушай же, Павел! Присягу принимают в различных случаях: на суде по важному делу свидетели дают присягу, общаясь показать сущую правду; присягают при поступлении на военную или гражданскую службу, давая обещание служить верой и правдой. Даже мы – священники – перед рукоположением принимаем присягу.

Принимающий присягу призывает Бога,

1) как Свидетеля в праведности показания, или искренности даваемого обещания;

2) как Помощника в исполнении обещания;

3) как Судию за неправильное показание или злонамеренное неисполнение данного обещания.

Когда ты будешь присягать, вслушайся и вникни в слова присяги, и поймешь, что это так, как я говорю.

Клятва или присяга необходима. Доколе существуют на земле зло и неправда, а через них и недоверие друг к другу, до тех пор будет существовать клятва или присяга, ибо нет более верного способа достигнуть того, чтобы люди чувствовали друг к другу доверие, а в особенности к людям незнакомым или ко своим врагам.

Зло и неправда царствуют в мире, и люди не доверяя друг другу, вынуждены употреблять клятву для удостоверения своих слов. Ап[остол] Павел говорит:

«Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Потому и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воле, употребил в посредство клятву» (Евр. 6, 16–17). «Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою» (Евр. 6, 13).

Из этих слов ап[остола] Павла видно, что клятва среди людей необходима, так как она оканчивает всякий спор их. Даже Сам Господь, снисходя к немощам людей, употребил в посредство клятву.

Обратимся же к книгам Ветхого Завета и прочитаем места, где упоминается, что Сам Господь клялся Своим именем.

И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба, и сказал: «Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал

сие дело, и не пожалел сына твоего для Меня: то Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое» (Быт. 22, 15–17).

«И введу вас в ту землю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму, Исааку и Иакову» (Исх. 6, 8).

«И наследуйте ее, как один, так и другой; так как Я, подняв руку Мою, клялся отдать ее отцам вашим, то и будет земля сия наследием вашим» (Иез. 47, 14).

«Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное, что предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис. 45, 23).

Употребляя клятву в доказательство непреложности совета Своего, Господь дал и людям заповедь клясться Его именем:

«Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и к Нему прилепись, и Его именем клянись» (Втор. 6, 13; 10, 20).

«И будешь клясться: “Жив Господь!” в истине, суде и правде» (Иер. 4, 2).

Дозволялось употреблять клятву на суде:

«А если не найдется вор, пусть хозяин дома придет пред судьей и поклянется, что не простер руки своей на собственность ближнего своего» (Исх. 22, 8).

«Клятва пред Господом да будет между обоими в том, что взявший не простер руки своей на собственность ближнего своего» (Исх. 22, 2).

Заметь, Павел, что евреям было заповедано клясться только именем истинного Бога, за клятву же именем ложных богов Господь грозил Своим гневом:

«Как же Мне простить тебя за это? Сыновья твои оставили Меня и клянутся теми, которые не боги» (Иер. 5, 7).

Даже язычникам было обещано благоволение Божие за клятву именем истинного Бога:

«И если они научатся путями народа Моего, чтобы клясться именем Моим: “Жив Господь!”, как они научили народ Мой клясться Ваалом, то водворятся среди народа Моего» (Иер. 12, 16).

Ложная клятва воспрещалась:

«Не клянитесь именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего» (Лев. 19, 12).

«Не произноси имени Господа, Бога твоего напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 7; Втор. 5, 11).

Народу еврейскому дано было предупреждение не обращаться в привычку клятву именем Божиим:

«И не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святого. Ибо, как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святого не очистится от греха. Человек, часто клянущийся, исполнится беззакония, и не отступит от дома его бич. Если он согрешит, грех его на нем; и если вознерадел, то сугубо согрешил» (Сир. 23, 9–12).

Рассматривая ветхозаветную историю, можно видеть, что клятва именем Божиим была общеупотребительная среди еврейского народа.

Клялся Авраам:

«Авраам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нити или ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: “Я обогатил Авраама”» (Быт. 14, 22–23).

«И сказал Авраам: я клянусь» (Быт. 21, 24).

Авраам берет клятву со своего раба:

«Клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему Исааку жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу» (Быт. 24, 3). «И положил раб руку свою под стегно Авраама, господина своего, и клялся ему в сем» (Быт. 24, 9).

Исаак и Авимелех клялись во взаимной дружбе:

«И вставь рано утром, поклялись друг другу, и отпустил их Исаак, и они пошли от него с миром» (Быт. 26, 31).

Иаков берет клятву с Исава и сам клянется Лавану:

«Иаков сказал ему: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал Исав первородство свое Иакову» (Быт. 25, 33).

«Бог Авраамов и Бог Нахоров да судит между нами, Бог отца их. Иаков поклялся страхом отца своего Исаака» (Быт. 31, 58).

Иосиф клянется отцу своему Иакову, обещаясь похоронить его в земле Ханаанской:

«Иосиф сказал: сделаю по слову твоему. И сказал: клянись мне. И клялся ему» (Быт. 47, 30–31).

Клялся Давид, обещая Саулу не истреблять его потомства:

«Итак, поклянись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего. И поклялся Давид Саулу» (1 Цар. 24, 22–23).

В книге Псалтирь Давид воспевает:

«Господи! кто может пребывать в жилище Твоем? кто может обитать на святой горе Твоей? ... Тот, кто клянется, хотя бы злomu, и не изменяет» (Пс. 14).

Еще много мест можно найти в ветхозаветных книгах для доказательства, что клятва именем Божиим была общеупотребительна среди еврейского народа, но и приведенных достаточно.

Итак, Павел, признаешь ли ты, что в ветхозаветных книгах есть позволение клясться именем Божиим? Сознаешь ли ты ошибочность своего мышления, что клятва не от Бога, а от диавола?.

– Да, но то было в Ветхом Завете, а в Новом, согласно учению Спасителя, клятва воспрещена.

– Ошибаешься, Павел. В Нагорной проповеди Спаситель говорит:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17).

Закон о клятве мы рассмотрели, обратимся же к пророчеству. Исаия говорит народу еврейскому:

«И убьет тебя Господь Бог, а рабов своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины; и кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины» (Иер. 65, 15–16).

Исполнилось пророчество Исаии: народ еврейский отвержен, а нам, верующим в Господа Иисуса Христа, дано новое имя. Называемся мы христианами, согласно пророчеству Исаии, должны клясться именем Божиим.

Как же ты, Павел, говоришь, что Спаситель запретил клясться именем Божиим? Следовательно, закон и пророки нарушены, а не исполнены?

Ап[остол] Павел, наученный Самим Господом Иисусом Христом, конечно, знал записанное у евангелиста Матфея учение Спасителя о клятве. Если бы этим учением воспрещалась клятва именем Божиим, то ап[остол] Павел не дерзнул бы нарушить заповедь Спасителя, но между тем он неоднократно клялся именем Господа. Укажу тебе некоторые случаи:

«Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его, что непрестанно вспоминаю о вас» (Рим. 1, 9).

«Бога призываю во свидетеля на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (2 Кор. 1, 23).

«Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» (Фил. 1, 8).

Ап[остол] Павел берет клятву и со своих учеников:

«Заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явлении Его и царствие Его: проповедуй слово...» (2 Тим. 4, 1).

«Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы по суетности ума своего» (Еф. 4, 17).

Ап[остол] Иоанн Богослов пишет:

«И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков» (Откр. 10, 5–6).

Сам Господь Иисус Христос уважил клятву первосвященника. На все приводимые против Него обвинения на суде у Каиафы Он молчал. Наконец первосвященник сказал:

«Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос Сын Божий?» (Мф. 26, 61). «Иисус сказал: Я» (Мк. 14, 62).

Призывая христиан к богоугодной жизни ап[остол] Павел говорит:

«Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4, 16).

Как же ты, Павел, не желаешь подражать ап[остолу] Павлу, имя которого носишь? Взгляд твой на клятву именем Божиим не соответствует взгляду ап[остола] Павла.

– Но как же понимать учение Спасителя и ап[остола] Иакова о клятве?

– Обрати внимание, что в обоих случаях воспрещается клясться небом, землею, Иерусалимом, головою своею, то есть творением Божиим, но не именем Господа.

Если бы Господь Иисус Христос Своим учением хотел отменить клятву именем Божиим, то у евангелиста Матфея было бы написано так:

«Еще вы слышали, что сказано древним: Господа, Бога твоего бойся, и Его именем клянись (Втор. 6, 13; 10, 20). А Я вам говорю: не клянись вовсе: ни именем Божиим, ни небом, ни землею и т. д.»

Вот в этом случае клятва именем Божиим отменялась бы.

Обратил ли ты, Павел, внимание на слова Сираха:

«Человек, часто клянущийся, исполнится беззакония, и не отступит от дома его бич. Если он согрешит, грех его на нем; и если вознерадел, то сугубо согрешил» (Сир. 23, 11–12)?

Это означает следующее:

Если человек дал обещание и подтвердил его клятвой, но данного обещания не исполнил, так как что-либо помешало исполнению обещания, то и в этом случае на нем лежит вина за клятвопреступление; если же обещание, подтвержденное клятвой, не исполнено по нерадению или злоумышленно, то грех вдвойне.

Зная, что данные клятвы должны исполняться, ибо за клятвопреступление грозил гнев Божий, а между тем исполнение данного обещания зависит иногда не от одной только воли человека, дающего обещание, но и от могущих произойти неблагоприятных случаев. Евреи-современники Христа стали клятву именем Божиим заменять клятвою небом, землею и т. п., дабы, в случае

невозможности исполнить данную клятву, избежать гнева Божия за клятвопреступление.

Евреи думали, что в этом случае даже злонамеренное неисполнение данного обещания не влечет за собою ответственности пред Богом.

Против таких-то клятв, дающих, по мнению евреев, возможность нарушать их, и было направлено учение Спасителя и ап[остола] Иакова.

Ошибочность взгляда евреев на клятву творением была обличена Иисусом Христом:

«Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего; а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? Также: если кто поклянется жертвенником, то ничего; если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен. Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар? Итак, клянущийся жертвенником клянется им и всем, что на нем; и клянущийся храмом клянется им и Живущим в нем; и клянущийся небом клянется Престолом Божиим и Сидящим на нем» (Мф. 23, 16–22).

Учение Спасителя и ап[остола] Иакова о клятве должно понимать так:

Если даваемое тобою обещание очень важно и необходимо подтвердить его клятвою, а между тем исполнение этого даваемого тобою обещания зависит не от одной лишь твоей воли, но и от могущих произойти неблагоприятных случаев, то ты, не решаясь дать клятву именем Божиим, не клянись и творением, ибо в этом случае ты будешь лукавить перед своим ближним и перед законом, который повелевает клясться именем Божиим и

запрещает нарушать клятву. В таких случаях говори: «да, да» или «нет, нет».

Церковная и гражданская власть ничего невозможного не требует от дающего присягу. Исполнение всех обещаний, даваемых в присяге, зависит от одной лишь совести и воли человека, принимающего присягу, и никто другой не может помешать исполнить данное обещание.

Что может помешать свидетелю показать на суде сущую правду. Что вам может помешать служить Царю и родине верой и правдой? Ничто! Исполнение данного обещания зависит только от вас самих.

Не страшитесь же принимать присягу перед поступлением на службу: не грехом, а послушанием Церкви и поставленным от Бога властям начнете вы службу свою. Помните, что

- 1) Сам Господь клялся Своим именем;
- 2) Заповедал и людям клясться Его именем;
- 3) Патриархи и царь Давид клялись;
- 4) Исаия предсказывал, что христиане будут клясться;
- 5) Клялся ап[остол] Павел и Ангел в Откровении;
- 6) Господь Иисус Христос уважил клятву первосвященника;
- 7) Воспрещается клятва творением;
- 8) За клятвопреступление грозит гнев Божий;
- 9) Поднятие руки вверх при клятве основано на Св[ященном] Писании.

Да благословит вас Господь и да поможет вам с честью послужить Вере, Царю и Отечеству!

– Благодарим вас, батюшка! Теперь наша совесть спокойна. Новобранцы ушли, а я заторопился к поезду.

*Религиозно-просветительное
издание*

НОВОУЧЕНИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ О ВОИНСКОМ СЛУЖЕНИИ

Редактор – протоиерей Павел Самойленко

Составитель – священник Евгений Шишкин

Дизайн и верстка – Любовь Галкина

ISSN 978-5-6048-187-9

9 785604 818749

Подписано в печать 21.06.2023 г. Формат 72x104/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,26. Тираж 1000 экз.

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru
www.stpds.ru

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»
355002, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 191 б.
Тел. +7 (8652) 24-98-53